

Дина Боднар

Сказки бабушки Филиппии

https://litres.ru/74779792
SelfPub; 2026

Аннотация

Семь сказок для детей от 6 лет: про мальчика, который однажды утром обнаружил, что больше не падает; про звёздочку, упавшую в сад; про страну, нарисованную в альбоме; про экспедицию под половицами и про грибную поляну, где всё серьёзно, как у взрослых.

Рассказывает их бабушка Филиппия. В миру её зовут Дина, а Филиппия — имя, данное ей при крещении: редкое, из тех, что теперь почти не встретишь, как и деревянных ручек, которыми она писала в первом классе. Она считала на счётах, стирала на стиральной доске и грела воду на печи — и видела, как за одну жизнь всё это сменилось калькуляторами, машинами и телефонами. Менялись дома, работа, цены и сами люди. А сказки остались прежними: чтобы вечером кто-то сидел рядом и читал вслух.

Каждая история — на один вечер, минут на двадцать, с картинками. Читайте по одной перед сном.

Содержание

Кто такая бабушка Филиппия 4
День, когда Тима перестал падать 7
Хроники грибной поляны: Операция «Хрустящая корочка» 20
Глава 1. Операция «Хрустящая корочка» 23
Глава 2. Операция «Рыжий незнакомец» 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Дина Боднар
Сказки бабушки Филиппии

Кто такая бабушка Филиппия

Бабушку Филиппию в миру зовут Дина. Филиппия — имя, которое ей дали при крещении, и с годами оно оказалось главнее: именно так подписываются сказки, которые она пишет для внуков.

Она родилась в начале шестидесятых, в стране, которой теперь нет ни на одной карте. Тогда всё было деревянным, железным и настоящим: парты, ручки, счёты, вёдра, половицы. В первом классе ей выдали деревянную ручку с металлическим пером и чернильницу-непроливайку, которую полагалось носить в сумке стоймя, чтобы не расплескать чернила. Писали медленно, с нажимом; кляксы промокали промокашкой, а у кого промокашки не было — рукавом. Считать учились на счётах: костяшки щёлкали, и в этом щёлканье был весь ответ.

Дома не было ничего из того, что сегодня называется словом «техника». Бельё стирали на стиральной доске, и это была работа на целый день. Воду грели на плите с припечком, а плиту топили дровами — их кололи, носили, сушили и снова носили. Зимой окна затягивало морозом, и узоры на стекле

были единственным телевизором в доме.

А потом всё начало меняться. Сначала медленно, потом быстрее, а потом так, что не успевали привыкнуть. Счёты убрали в шкаф — появился калькулятор. Стиральную доску — появилась машина. Письма стали сообщениями, очередь к телефону-автомату — телефоном в кармане. Менялись дома, работа, цены, слова, которыми разговаривали люди. Менялись и сами люди — бабушка Филиппия видела это своими глазами, и не один раз.

Она говорит, что за одну жизнь ей довелось пожить в нескольких разных временах. И главное она поняла не из книг, а из этой смены: меняется всё, кроме одного. Ребёнку по-прежнему страшно в тёмной комнате, по-прежнему хочется, чтобы его дождались, и по-прежнему нужна сказка перед сном — прочитанная вслух, живым голосом.

Сказки она начала писать, когда появились внуки. Не потому, что решила стать писательницей, — просто внуки задавали вопросы, на которые не было готовых ответов: почему луна уходит за тучу, почему у ёжика одеяло на спине, куда девается день. И бабушка стала отвечать сказками.

Сюжеты она не выдумывает. Она их вспоминает. Грибная поляна — это та самая поляна за огородами, куда ходили всей семьёй и где под берёзой всегда стоял один и тот же крепкий боровик. Экспедиция под половицами — это потерянная пуговица, которую искали полдня и нашли в самом дальнем углу, вместе с чужой монеткой и стеклянным

шариком. Мальчик, который однажды утром обнаружил, что больше не падает, — это про то, как трудно даётся то, что всем остальным даётся само.

В её сказках нет злых королей и заколдованных замков. Зато есть упрямый гвоздь, который не хотел входить в стену; есть счёты, на которых можно посчитать звёзды; есть печка, которая согревает не только дом, но и того, кто к ней пришёл. Потому что самое волшебное, что бабушка Филиппия видела за свою долгую жизнь, — это не волшебство, а обычные люди, которые держатся друг за друга.

Семь сказок в этой книге — семь вечеров. Читайте по одной, вслух, не спеша. И если ребёнок спросит: «А бабушка Филиппия настоящая?» — скажите: настоящая. Она сидит рядом.

День, когда Тима перестал падать

Глава 1. День, когда Тима перестал падать

Тима проснулся как обычно: потянулся, зевнул… и вдруг понял, что висит в воздухе. Прямо над кроватью. Не высоко — сантиметрах в тридцати, но всё равно очень странно.

Он пошевелил ногами — и чуть не улетел к потолку. «Эй, полегче!» — сам себе сказал Тима и осторожно подтянул колени, чтобы не врезаться в люстру.

Сначала он подумал, что это сон. Ущипнул себя — больно. Значит, не сон.

В комнате всё было привычным: на подоконнике стоял горшок с геранью, на стуле висела футболка, а на столе лежала недоеденная булочка с маком. Только теперь Тима смотрел на всё это сверху вниз.

Он медленно подплыл к окну. За стеклом город жил своей обычной жизнью: машины ехали, люди шли, и никто из них не парил в воздухе. Тима прижался носом к стеклу и вздохнул: «Вот бы бабушка это увидела!»

Потом он вспомнил про завтрак. Осторожно протянул руку к булочке — и тут случилось новое чудо: булочка тоже чуть-чуть поплыла, когда он её коснулся.

Тима хихикнул: будто у него вместо пальцев — маленькие вентиляторы.

Тут дверь приоткрылась, и в комнату заглянула бабушка.

— Тима, ты почему ещё не… — начала она и замерла. — Ты что, летаешь?

— Ага! — радостно кивнул Тима. — Я сегодня вообще ничего не вешу!

Бабушка на секунду растерялась, а потом улыбнулась: — Ну что ж, тогда давай аккуратно позавтракаем. Только не улетай в холодильник, ладно?

Они сели за стол. Вернее, Тима «сел» — он просто завис рядом со стулом, держась рукой за спинку, чтобы не уплыть.

Бабушка налила ему какао, и Тима старался пить очень-очень медленно, чтобы брызги не разлетелись по всей кухне.

После завтрака Тима решил проверить, как далеко он мо-

жет улететь. Он тихонько оттолкнулся от стены — и плавно переплыл в коридор. Потом обратно.

Это было похоже на плавание, только без воды: ты двигаешься, а воздух тебя мягко держит.

Но к обеду Тима вдруг почувствовал: что-то меняется. Его снова стало «притягивать» вниз. Сначала чуть-чуть, потом сильнее. И вот он уже стоит на полу, как раньше. — Вернулся! — обрадовалась бабушка. — А я уж думала, придётся тебе дома парашют пришивать.

Тима улыбнулся. Ему было немножко грустно, что волшебство закончилось, но в то же время приятно снова чувствовать пол под ногами.

Вечером, лёжа в кровати, он прошептал: «Спасибо, гравитация. Ты такая незаметная, а без тебя никак».

И заснул, крепко прижавшись к подушке — потому что теперь он по-настоящему ценил, что может просто лежать, а не летать.

Глава 2. След из лёгких вещей

Тима уже почти поверил, что день был обычным, но кое-что не давало ему покоя. Он сидел рядом с бабушкой на диване и всё думал:

— Бабушка, а почему ты не летала? Если гравитация пропала, ты тоже должна была подняться к потолку!

Бабушка чуть приподняла брови: — Хороший вопрос. Я и правда стояла на полу, как ни в чём не бывало.

Тима нахмурился: — Значит, волшебство было только

про меня? Или… оно вообще не про гравитацию?

И тут у него в голове щёлкнуло, как в детективных историях: если правило нарушилось только для одного — значит, есть кто-то, кто это устроил. Или что-то. — Надо всё проверить! — прошептал Тима.

Он вскочил (теперь уже по-настоящему, без полёта) и первым делом подошёл к подоконнику. Там стоял горшок с геранью. Тима осторожно тронул его — тяжёлый, стоит крепко. Потом взял со стола чашку: обычная, звенит, если постучать.

А потом он увидел то, что заставило его затаить дыхание.

На полу у двери лежала пушинка — наверное, от подушки. И она не лежала. Она висела. Совсем чуть-чуть, на высоте пары сантиметров, и медленно кружилась, будто её кто-то дул. Но в комнате было тихо, ни ветерка.

— Смотри! — позвал Тима бабушку. — Пушинка летает!

Бабушка наклонилась, присмотрелась. — И правда… — тихо сказала она. — Значит, не только ты. Но не всё.

Тима кивнул, чувствуя себя настоящим детективом:

— Получается, гравитация не пропала совсем. Просто кое-что стало легче. Может, это из-за окна? Или из-за будильника? Или… из-за чайника?

Бабушка улыбнулась: — Давай рассуждать. Если бы пропало притяжение у всего на свете, мы бы не просто летали — мы бы улетели прямо в космос. Земля бы не держала нас, воздух бы улетел, и даже чашка не стояла бы на столе. Но

чашка стоит. А пушинка — нет. Значит, волшебство работает выборочно.

Тима задумался. Ему нравилось, когда взрослые не говорят «не выдумывай», а помогают искать ответ. — То есть гравитация — это как большой магнит, который держит всю Землю, — медленно проговорил он. — А сегодня кто-то… или что-то… сделало маленький «дырявый» кусочек, где магнит не работает?

— Похоже на то, — кивнула бабушка. — Как будто где-то рядом спрятался крошечный антимагнит.

Они ещё немного походили по комнате. Тима заметил, что листок, оторвавшийся от герани, тоже чуть дрожал в воздухе, будто не решался упасть. А вот ложка на столе лежала спокойно, как всегда.

— Может, это из-за солнца? — предположил Тима. — А может, из-за того, что ты вчера загадал желание про полёт, — подмигнула бабушка.

Тима улыбнулся. Но как настоящий детектив, он всё равно записал в свой блокнот: «День 1. Наблюдение: летают пушинки и листья. Не летают чашки, ложки, бабушка. Версия 1: солнечный луч. Версия 2: желание. Версия 3: тайный прибор под подоконником».

К вечеру пушинки снова легли на пол. Листочки опустились. И даже Тима чувствовал, что его снова крепко держит земля.

— Ну что, детектив, — сказала бабушка, укутывая его

одеялом. — Похоже, волшебство закончилось. — Ага, — тихо ответил Тима. — Но я теперь знаю: гравитация — она как невидимая сеть. Держит тяжёлые вещи крепко, а лёгким иногда даёт чуть-чуть повисеть, просто чтобы мы заметили.

Бабушка погладила его по голове: — Умница. И ещё: она держит нас всех вместе. Чтобы мы не разлетелись.

Тима закрыл глаза и улыбнулся в темноту. Ему было спокойно. Потому что теперь он не просто знал про гравитацию — он её почувствовал.

Глава 3. Камешек, который отменял тяжесть

На следующее утро Тима первым делом бросился к подоконнику. Он помнил бабушкину фразу про «тайный прибор под подоконником» и теперь хотел проверить: вдруг там и правда что-то спрятано?

Он заглянул под подоконник, пошарил рукой по деревянной полочке, где обычно лежали старые открытки и засохшие лепестки, и… нащупал что-то круглое и прохладное.

Тима вытащил находку и замер. Это был камешек. Не какой-нибудь обычный серый голыш, а будто из сказки: тёмно-синий, с тонкими серебристыми прожилками, и в нём словно прятался маленький свет — не яркий, а тихий, как от далёкой звезды.

— Смотри, бабушка! — позвал Тима, вбегая на кухню. — Я его нашёл! Тот самый… антимагнит!

Бабушка отложила полотенце, подошла, наклонилась и осторожно взяла камешек двумя пальцами. — Красивый, —

сказала она. — И холодный. Будто из космоса.

Тима затаил дыхание. — Значит, это он делал так, что пушинки летали?

Бабушка чуть прищурилась, будто вспоминала что-то очень давнее: — Когда я была девочкой, моя бабушка рассказывала мне историю. Про то, что иногда в наш мир попадают вещи из других мест. Из таких уголков Вселенной, где всё устроено немножко иначе. Где сила притяжения то сильнее, то слабее, а порой и вовсе прячется на время.

— И этот камешек… он как раз оттуда? — прошептал Тима. — Похоже на то, — кивнула бабушка. — Он не убирает гравитацию совсем. Просто рядом с ним она становится тоньше, как утренний туман. Поэтому летают только самые лёгкие вещи: пушинки, лепестки, может, даже мыльные пузыри. А чашка, ложка, я — мы слишком тяжёлые, чтобы оторваться.

Тима осторожно положил камешек на стол. И в ту же секунду пушинка, которая лежала неподалёку, медленно поднялась в воздух и закружилась над ним, будто танцевала.

— Ух ты… — выдохнул Тима. — Значит, он работает прямо сейчас! — Работает, — улыбнулась бабушка. — Но ненадолго. Такие вещи долго не держатся в нашем мире. Они как гости: посидят, покажут чудеса — и уходят туда, откуда пришли.

Тима задумался. Ему вдруг стало немножко грустно: камешек исчезнет, и волшебство кончится. Но потом он поду-

мал, что чудеса можно и самому замечать. Ведь даже без камешка пушинка когда-нибудь всё равно взлетит — от сквозняка, от дыхания, от лёгкого движения воздуха.

— Давай сделаем так, — вдруг сказал Тима. — Пусть он побудет у нас ещё чуть-чуть. Я хочу показать его Мишке. Мы возьмём пёрышко, и он увидит, как оно летает без ветра.

Бабушка кивнула: — Хорошо. Но помни: это не игрушка. Это как лучик из другого мира. С ним надо бережно.

Они положили камешек в маленькую коробочку, выстланную мягкой тканью, и накрыли сверху прозрачным стаканчиком. Пушинка, будто обидевшись, плавно опустилась на стол.

А когда Тима ушёл звать Мишку, бабушка тихо сказала камешку: — Спасибо, что показал ему чудо. Пусть он теперь знает: мир полон тайн, и некоторые из них можно держать в ладонях — хоть и совсем недолго.

Когда Мишка прибежал, они осторожно поставили коробочку на пол, сняли стаканчик — и пушинка снова поднялась, кружась в тихом танце. Мишка вытаращил глаза, а Тима улыбался: он чувствовал себя не просто мальчиком, а настоящим проводником между обычным миром и чудом.

И в этот момент Тима понял самое главное: даже если камешек однажды исчезнет, он всё равно будет помнить, как выглядит волшебство вблизи. И как важно замечать даже самые маленькие чудеса — вроде парящей пушинки или тихого света в тёмно-синем камне.

Тима сидел на полу, подперев щёку рукой, и смотрел на камешек. Тот уже не сиял так ярко, как утром, но в глубине его серебристых прожилок ещё мерцал тихий свет — будто там пряталась маленькая тайна.

Мишка рядом осторожно дунул на пушинку, и она, послушно поднявшись, закружилась над камешком. — Как думаешь, он живой? — шёпотом спросил Мишка.

Тима пожал плечами: — Не знаю… Но бабушка сказала, что он из другого мира. А вдруг он умеет говорить?

И тут случилось невероятное. Камешек чуть дрогнул в коробочке — совсем незаметно, будто вздохнул, — и вдруг в голове у Тимы прозвучало: «Держи лёгкое. Не отпускай тяжёлое».

Тима замер. Он оглянулся: Мишка по-прежнему дул на пушинку и ничего не слышал. Значит, фразу услышал только он.

— Он… он мне что-то сказал, — прошептал Тима. — Кто? Пушинка? — Нет. Камешек. Прямо в голове.

Мишка недоверчиво округлил глаза: — И что он сказал?

Тима повторил: — «Держи лёгкое. Не отпускай тяжёлое». Только я не понимаю, что это значит.

Они устроились на подоконнике, поставив коробочку между собой. За окном город жил своей обычной жизнью: проехала машина, пролетела чайка, на соседнем балконе кошка осторожно ступала по перилам. Всё было привычно, надёжно… и всё же теперь Тима смотрел на мир по-другому.

— «Держи лёгкое», — медленно повторил Тима. — Лёгкое — это пушинка, пёрышко, одуванчик… Их легко унести ветру. А «не отпускай тяжёлое»… Наверное, это про то, что важно не терять то, что держит тебя на месте.

В этот момент камешек вдруг тихо щёлкнул — будто поставил точку, — и его свет погас совсем. Теперь это был просто красивый тёмно-синий камешек с серебристыми ниточками. Волшебство закончилось.

Тима осторожно положил его в карман.

После обеда бабушка села рядом и тихо спросила: — Ну, что сказал тебе камешек?

Тима честно повторил фразу. Бабушка кивнула, будто услышала то, что давно ждала: — Мудрые слова. Даже если тебе хочется парить и летать, помни: лёгкое пусть радует, а тяжёлое — то, что реально, настоящее — держи крепко. Дом, семья, твои дела. Это и есть твоя опора.

Тима кивнул. Ему стало спокойно. Он спрятал камешек в шкатулку на полке — не как игрушку, а как напоминание.

А вечером, когда за окном стемнело, он выглянул в окно, улыбнулся и прошептал: — Спасибо, камешек. Я всё понял.

Глава 4. Как камешек помог на утреннике

Дни шли, камешек в шкатулке на полке совсем перестал светиться и стал просто красивым тёмно-синим камнем с серебристыми прожилками. Но Тима его не выбрасывал: он помнил слова, которые камешек прошептал прямо в голову: «Держи лёгкое. Не отпускай тяжёлое».

И эти слова очень пригодились, когда в садике объявили утренник. Тиме поручили прочитать стихотворение. Совсем короткое, всего четыре строчки, но когда он представил, что все будут на него смотреть — воспитательница, родители, Мишка, бабушка, — у него внутри всё задрожало, будто там поселился маленький вихрь.

— Я не смогу, — шепнул он Мишке в раздевалке. — У меня голос пропадёт. Или я всё перепутаю.

Мишка хотел сказать что-то бодрое, но сам немного дрожал: ему предстояло звенеть в бубен, а это, по его мнению, ещё страшнее.

Тут Тима вспомнил про камешек. Он не взял его с собой — не хотел, чтобы кто-то подумал, что он с игрушкой на утреннике. Но ему и не нужен был сам камешек. Ему нужна была его фраза.

«Держи лёгкое. Не отпускай тяжёлое», — тихо повторил Тима про себя.

Он закрыл глаза на секунду и представил, что волнение — это пушинка. Та самая, которая кружилась над камешком. Лёгкая, невесомая. Её можно держать в ладони, можно смотреть, как она дрожит, но не надо позволять ей унести себя куда-то далеко. А вот стихотворение — это «тяжёлое». Его нельзя отпускать. Оно настоящее, оно его, оно останется с ним, даже если руки чуть-чуть трясутся.

Когда его позвали на сцену, Тима сделал шаг вперёд. В зале было светло, все лица смотрели на него, и вихрь внут-

ри снова попытался закружиться. Но Тима крепко держал «тяжёлое»: строчки стихотворения. Он не пытался прогнать волнение — он просто не давал ему стать главным.

— Зима пришла, укрыла город, — начал Тима. Голос чуть дрогнул, но не пропал. — И снег поёт, как тихий хор…

Он не отвёл глаз. Он смотрел не на всех сразу, а на одно знакомое лицо в первом ряду — на бабушку. Она улыбалась и чуть-чуть кивала, будто говорила: «Ты можешь. Я здесь».

И Тима дочитал. До последней строчки. И когда закончил, зал захлопал, а Мишка так радостно замахал бубном, что чуть не уронил его.

После утренника бабушка крепко обняла Тиму. — Ты был таким смелым, — прошептала она. — Я так гордилась.

Тима улыбнулся. — Это камешек помог, — тихо сказал он. — Он научил меня: лёгкое — это страх. Его можно просто подержать и не бояться, что он унесёт. А тяжёлое — это то, что я знаю. Его я не отпускаю.

Бабушка погладила его по голове. — Знаешь, — сказала она, — иногда нам не нужны волшебные камни, чтобы быть смелыми. Нам просто нужно помнить, что у нас есть опора. Дом. Семья. То, что мы умеем. И этого достаточно, чтобы сделать шаг вперёд, даже когда немножко страшно.

Дома Тима снова положил камешек в шкатулку. Теперь он казался ему не столько волшебным, сколько памятным. Как маленькая подсказка, спрятанная в синем камне.

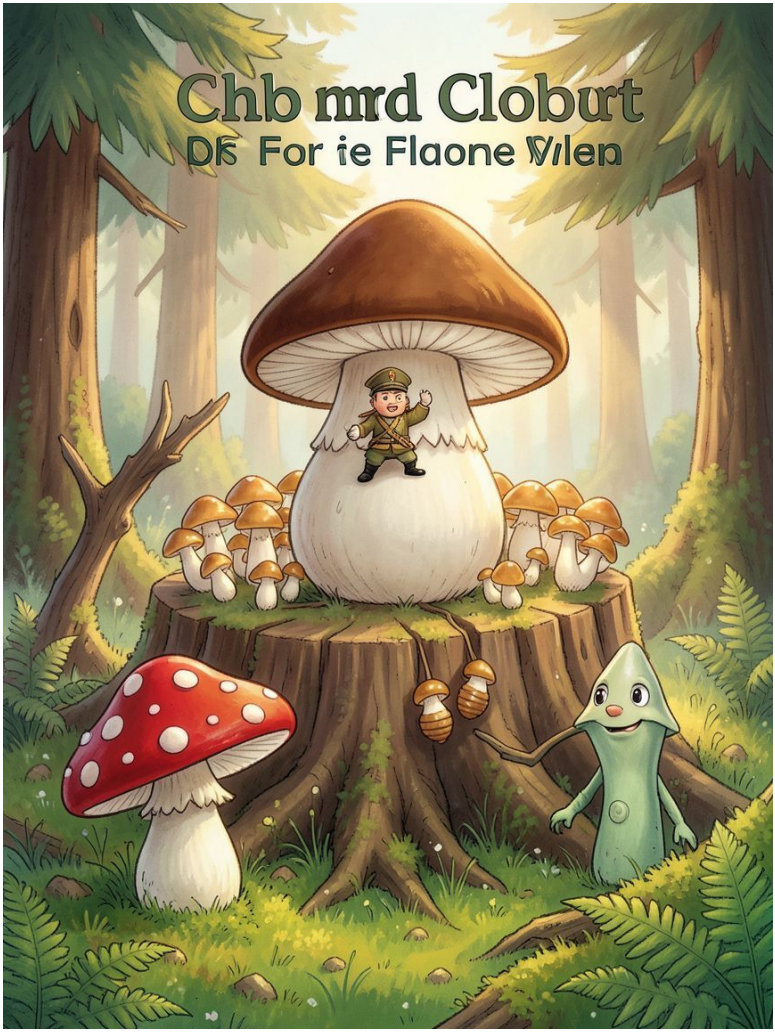
А ночью, укладываясь спать, Тима тихо прошептал, будто

пробуя слова на вкус: — Я научился держать лёгкое. И не отпускать тяжёлое.

Он улыбнулся в темноту, потрогал пальцами шкатулку на тумбочке — там лежал камешек, теперь уже просто красивый камень. Но слова-то остались. И опора осталась: дом, бабушка, его собственное «я смогу».

И заснул спокойно, зная, что завтра будет новый день — и, может быть, в нём снова случится чудо. Или просто хорошее утро, когда за окном качаются ветки, на подоконнике стоит чайник, а рядом — те, кто всегда поддержит.

Хроники грибной поляны: Операция «Хрустящая корочка»

Chb mrd Clobart
DK For ie Flaone Vlen

Глава 1. Операция «Хрустящая корочка»

«Элитный отряд съедобных против «отряда несъедобных»»

Элитный отряд съедобных

В сосновом бору, под старым пнем, дислоцировался элитный отряд съедобных. Командовал ими старый, крепкий Белый гриб по имени Еловик. Он был в мундире из коричневой бархатной шляпы и пах хвоей и благородством.

— Так, бойцы! — скомандовал Еловик, поправляя ножку. — Сегодня ожидается массовый завоз людей. Напоминаю нашу главную цель: попасть в корзину, пройти через жаровню и вознестись в сметану! Кто со мной? — Я! Я! Я! — запищали Маслята, дружно покрываясь стрессовым слизистым потом. — Мы тоже, дядя Еловик! — зашелестели Опята, свисающие с пня целым десантом.

Отряд несъедобных

Но за кустом папоротника сидел «отряд несъедобных» — те, кого в корзину не брали, и которые ужасно из-за этого комплексовали. Главным среди них был Мухомор по имени Красавчик. Он носил ярко-красный берет в белый горо-

шек и считал себя непризнанным гением. — Опять они нас проигнорируют, — вздохнул Красавчик, пнув ногой мох. — Я ведь тоже красивый! А этот мой горошек — это вообще авторский дизайн! Рядом с ним томно облокачивалась на сухую ветку Бледная поганка по имени Аманита. Она была бледна, ядовито-зелена и смотрела на всех свысока. — Ах, оставь, Красавчик, — прошипела она. — Нам не место в их-них корзинах. Мы — элита. Мы — тихая смерть. Пусть луч-ше эти простофили собирают своих «маслят». Я вообще-то в ресторане «Мишлен» могла бы стоить миллионы, если бы они умели меня готовить.

Грибники на тропе

Но тут лес затрясся. Раздался хруст веток, громкое «Ой, блин, комар укусил!» и топот ног. На поляну вышли грибники.

Первым был Иван Кузьмич — местный дед, который чувствовал грибы ногами, а корзину плел из лозы еще при царе Горохе. Вторым был его племянник Толик — офисный работник, который надел неоновую камуфляжную куртку, взял с собой GPS-навигатор, металлоискатель и скачал приложение «Гриб-гуру 3000».

— Дядя Вань, ну ты как в каменном веке, — фыркнул Толик, тыча смартфоном в куст. — У меня тут нейросеть! Она по форме шляпы определяет! — А ты, Толик, нейросеть-то свою в лесу не потеряй, — ворчал Иван Кузьмич. — Гриб ногами надо чувствовать, а не пикселями.

Еловик в корзине

В это время на поляне началась паника. — Люди! Люди на тропе! — зашептали Маслята, прячась под опавшие иголки. — Спокойно! — скомандовал Белый Еловик. — Работаем по легенде. Маслята — блестим, Опята — жмутся кучнее. Я выхожу на свет.

Еловик гордо выпятил бок. Иван Кузьмич тут же заметил его, ловко срезал, сдул пылинку и бережно положил в корзину. Еловик победно подмигнул Опятам.

Толик тем временем нашел под листом Бледную поганку. — О! — воскликнул он, глядя в телефон. — Приложение пишет: «Шампиньон редкий, бледный». Ну точно шампинон, раз приложение так говорит! Марья возмутилась до глубины грибокорня: «Какой шампиньон?! Я — Amanita phalloides! Аристократка! Как тебе не стыдно, гаджет!» Но срезать ее Толик не успел. Иван Кузьмич молча отвел руку племянника и пнул поганку носом ботинка. — Эх, Толик, Толик... — вздохнул дед. — У нее, смотри, кольцо на ножке и вольва внизу. Это не шампиньон, это тебе в больницу на неделю, а то и на тот свет. Аманита гордо выпрямилась: «Вот так-то, старик. Уважаю твою насмотренность».

Красавчик-самозванец

Тем временем Мухомор Красавчик решил, что настал его звездный час. Он видел, как люди уходят, и решил во что бы то ни стало попасть в корзину. — Я стану Сыроежкой! — решил он. — Сыроежки красные, и я красный. Главное — скрыть горошек. Аркаша нашел лужу, намочил свою шляпу, а потом с размаху шлепнулся в кучу серой золы от прошлогоднего костра. Он старательно извалялся в пепле, чтобы стать серо-розовым, а белые горошки замазал грязью. — Идеально, — прошептал он. — Теперь я — редкая пепельная сыроежка!

Он выбрался на тропинку прямо перед Толиком. Толик ахнул: — Дядя Вань! Смотри! Какая сыроежка! И какая... э...

грязная. Но редкая! Толик уже потянулся за ножом, но тут подул ветер. Капля пота скатилась у Красавчика со шляпы, смыла пепел, и ярко-белый горошек предстал во всей красе.

Иван Кузьмич подошел, посмотрел на Мухомора, потом на Толика, и хмыкнул: — Толик, это не сыроежка. Это Мухомор. И, судя по тому, как он старательно притворялся, он еще и в театре учился. Красавчик вздохнул, смиренно принимая свою участь. Но Иван Кузьмич не стал его топтать. — Лежи, артист, — сказал дед. — Тебе в корзине делать нечего. Ты лесных зверей лечишь, а нас — пугаешь.

Вечер на поляне

К вечеру корзина Ивана Кузьмича была полна. Белые,

маслята, опята и рыжики ехали в ней, как победители в колеснице. — Мы справились! — радовались Опята. — Еще бы, — басил Еловик. — Главное — не лезть в корзину к Толику.

А в лесу, на поляне, несъедобные устроили вечеринку. — Знаете, — сказал Красавчик, отряхиваясь от пепла, — а ведь мы тут нужнее. Без нас лес был бы скучным. — И потом, — добавила Бледная поганка, любуясь своим отражением в росе, — быть ядовитой — это не приговор. Это эксклюзивность. Нас нельзя просто так взять и съесть. К нам нужен особый подход.

Тут из кустов вылез ежик, понюхал Красавчика, чихнул и пошел искать настоящие опята. — Вот так всегда, — вздохнул Мухомор. — Ни в корзину, ни к ежику. Но тут к нему подбежала маленькая лесная мышка. — Дядя Мухомор, — пискнула она, — а можно я на вас покатаюсь? Вы такой красивый и гладкий! Красавчик расплылся в улыбке, расправил свою красную шляпу и гордо сказал: — Конечно, садись. А горошек я больше смывать не буду. Это мой авторский стиль!

А на кухне у Ивана Кузьмича тем временем шкворчали на сковороде грибы, пахли чесноком и укропом, и Толик, жуя картошку с белыми, задумчиво говорил: — Дядя Вань, а может, мне завтра металлоискатель взять? Вдруг грибы с золотыми шляпками бывают? Иван Кузьмич только головой покачал, но улыбнулся. Лес есть лес — тут всегда найдется,

кого искать и над кем посмеяться.

Глава 2. Операция «Рыжий незнакомец»

«Императорский гриб Цезарь и урок о том, что красота — не всегда доброта»

Утренний совет грибов

На следующее утро лес проснулся в странном настроении. Туман стелился по низинам, пахло прелой листвой, и под старым дубом, где обычно собирались на совет грибы, царило необычное оживление.

— Товарищи, у нас ЧП! — шептал мохнатый Подосиновик, размахивая своей оранжевой шляпой. — Ночью на соседней поляне появился кто-то... незнакомый. — Кто незнакомый? — насторожился Еловик. Он стоял на самом виду — крепкий, с бархатной коричневой шляпкой, и от него пахло благородной хвоей. — Лисичка? Рыжик? — Хуже, — прошептал Семён. — Он... оранжевый. И в белой юбочке. И... в мухоморном семействе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.